

Е. А. Нахимова

Екатеринбург, Россия

E. A. Nakhimova

Ekaterinburg, Russia

**ИДЕОЛОГЕМА СТАЛИН В СОВРЕМЕННОЙ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Предложено когнитивное толкование термина «идеологема». Рассмотрены закономерности использования идеологема «Сталин» в современной российской массовой коммуникации, выделена специфика представления образа Сталина в дискурсе коммунистических, национально-патриотических, центристских и либеральных СМИ.

Ключевые слова: Сталин; идеологема; концепт; массовая коммуникация; метафора.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

**IDEOLOGEM «STALIN»
IN CONTEMPORARY MASS MEDIA**

Abstract. The article presents a cognitive definition of the term «ideologem». Regularity of usage of the ideologem «Stalin» in contemporary Mass Media is described. The author singles out specific character of representation of the image of Stalin in the discourse of Communist, National-patriotic and Liberal Mass Media.

Key words: Stalin; ideologem; concept; mass communication; metaphor.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Термин *идеологема*, который М.М. Бахтин использовал для обозначения объективно существующих форм идеологии [Бахтин 1975; 1994 и др.], в последние годы активно употребляется в философии, социологии, культурологии, лингвистике и иных гуманитарных науках. Лингвистический статус идеологема обосновала Н. А. Купина, определившая *идеологема*, во-первых, как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [Купина 1995: 43], а во-вторых — как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183].

Особенно активно термин *идеологема* используется при изучении «советского новояза» и тоталитарного дискурса советской эпохи [Купина 1995; Земская 1996; Мирошниченко 1996; Нахимова 2003; Гусейнов 2004; Торохова 2006; Одесский, Фельдман 2008]. Так, Е. А. Земская пишет, что тоталитарный язык представлял своего рода систему *идеологем* и служил средством формирования идеологизированного сознания «советского человека» [Земская 1996: 23]. По словам Г. Ч. Гусейнова, идеологема отсылает «участников коммуникации к сфере должного правильного мышления и безупречного поведения» и предостерегает их от недозволенных поступков и неверных мыслей [Гусейнов 2004]. Впоследствии было доказано, что в постсоветскую эпоху сформировались новые идеологема, по лингвистической сути сближающиеся с идеологема предшествующих эпох [Кузьмина 2007: 192—193; Чудинов 2007: 92]. Это показывает, что рассматриваемое явление характерно не только для тоталитарного, но и для демократического дискурса.

На современном этапе развития науки различаются два ведущих направления в трактовке идеологем. Первое из них может быть названо лингвистическим, второе — когнитивным (лингвокогнитивным). В рамках лингвистического направления целесообразно разграничивать также узкий (лексикологический) и широкий (семиотический) подходы.

При лексикологическом подходе *идеологема* понимается как слово или устойчивое словосочетание, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина 2005: 91], имеющее «в своем значении идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92]. В концепции А. П. Чудинова выделяются два вида идеологем. К первому относятся слова (словосочетания), смысл которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов»; особенно часто различия «связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Чудинов 2007: 92]. Второй тип идеологем — это наименования (часто составные, включающие в себя два-три компонента), которые «используются только сторонниками определенных политических взглядов», тогда как их политические противники для характеристики тех же реалий предпочитают использовать иные обозначения [Чудинов 2007: 93].

Значительно более широкий подход обнаруживается в монографии «Д. С. П. Советские идеологема в русском дискурсе 1990-х» [Гусейнов 2004], в которой рассматриваются идеологема-буквы («*еръ*», *б*, *н*, *е*), идеологема — падежные окончания (*измена Родины* и *измена Родине*; *Федеративная Республика Германии* и *Федеративная Республика Германия*), идеологема-имена, идеологема-цитаты (в частности,

трансформированные высказывания Сталина). К числу идеологем Г. Ч. Гусейнов относит и русский (кириллический) алфавит при его использовании неславянскими народами, географические карты, портреты. Таким образом, в качестве идеологемы выступает любой феномен, так или иначе акцентирующий принадлежность к советской идеологии. Еще более широкий подход обнаруживается в концепции Н. И. Клушиной, которая считает, что идеологема — это «единица коммуникативной стилистики», «основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст» [Клушина 2008: 38—39].

Можно предположить, что между лексикологическим и общелингвистическим подходами нет кардинальных противоречий, поскольку слово служит ведущим средством репрезентации идеологемы в тексте, но эту функцию могут выполнять и иные единицы. По словам Н. И. Клушиной, объективация идеологемы осуществляется преимущественно вербальными средствами, поскольку идеологема — «мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой» [Клушина 2008: 38].

Когнитивная трактовка идеологемы обнаруживается в обобщающей статье Е. Г. Малышевой, которая определяет ее как «единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающиеся в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

В настоящем исследовании идеологема рассматривается как ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием. При когнитивном подходе идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию.

Важное место среди идеологем занимают имена собственных, в том числе рассматривавшиеся нами имена политических лидеров России — великих князей, царей, императоров, а также иных высших руководителей государства [см. Нахимова 2008а, 2008б, 2009а, 2009б, 2010].

Подобные идеологемы привлекали внимание и других специалистов. Так, в концепции Н. И. Клушиной важное место занимают «личностные идеологемы», концептуализирующие

руководителя государства и других политических лидеров — героев и антигероев своего времени. Эти идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипных высказываний, тиражируемых СМИ, например: «вождь мирового пролетариата» (о Ленине), «гениальный вождь и учитель» (о Сталине), «генеральный конструктор» (о Хрущеве), «верный ленинец» (о Брежнев), «архитектор перестройки» (о Горбачеве), «царь Борис» (о Ельцине) и т. п.» [Клушина 2008 : 40]. Личностные концепты отдельных политических деятелей детально рассматривает Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004].

В исследовании Е. Г. Малышевой выделяются как особая разновидность идеологемы-архетипы, к числу которых отнесены *Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай II*. Для нас важно и то, что Е. Г. Малышева дифференцирует идеологемы с положительным аксиологическим модусом (родина, флаг, отечество), идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом (террор, фашизм) и идеологемы со смешанным аксиологическим модусом (патриотизм, президент, воля, демократия, народ) [Малышева 2009: 37]. Показательно, что аксиологический модус некоторой идеологемой может значительно изменяться [Шейгал, 2004; Гаврилова 2005].

Как было продемонстрировано в наших предшествующих публикациях, к числу важных характеристик использования имен отечественных политических лидеров в современной массовой коммуникации действительно относится оценочность (аксиологичность). Если в современных СМИ упоминают князя Владимира, Ивана Калиту, Ивана Грозного, Бориса Годунова, Петра Великого или иных руководителей государства, то в тексте обычно присутствует их положительная или отрицательная оценка. Показательно, что позитивный или негативный характер оценки некоторых государственных деятелей чрезвычайно стабилен. Например, как демонстрирует наше специальное исследование, абсолютное большинство авторов позитивно оценивает деятельность и личные качества Александра Невского. Различия проявляются только в том, что одни журналисты отмечают его патриотизм, защиту национальных интересов Руси, другие — героизм, воинскую доблесть и талант полководца, третьи — религиозность, борьбу против католицизма и защиту православия, четвертые — мудрость, смирение, дипломатические способности [Нахимова 2010]. Не менее единодушны наши современники в негативной оценке личных качеств и поступков А. Ф. Керенского, который руководил российским правительством в 1917 г. По отношению к нему различия проявляются в том, что одни авторы порицают его за попустительство большевикам, а другие — за недостаточно решительную борьбу с ними [Нахимова 2008б].

Совершенно иначе обстоит дело с оценкой деятельности и личностных качеств И. В. Сталина — Генерального секретаря Коммунистической партии и Председателя Совета Министров (Совнаркома) СССР. Соответствующее имя собственное уже после XX съезда КПСС функционировало в Советском Союзе как идеологема, т. е. слово, использование и восприятие которого в значительной мере зависит от политических взглядов автора, однако особенно заметной идеологической составляющей этого концепта оказывается в публикациях постсоветской эпохи.

В современных условиях позитивная оценка личности И. В. Сталина обнаруживается исключительно в дискурсе коммунистов и леворадикальных националистов, которые постоянно акцентируют его руководящую роль в Великой Отечественной войне, в индустриализации страны и подъеме ее сельского хозяйства, в построении общества, для которого не были характерны чрезмерные социальные различия. Ср.:

Сталин — наше все. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры... Что такое, по сути, Сталин? Жестко и жестоко целеустремленный прагматик, рассматривающий государство, как доверенную ему историей... геополитическую систему, нуждающуюся в совершенствовании до уровня государства идеального, где счастье государства равно счастью людей... Если бы Сталин жил сегодня, никаких концлагерей, конечно, не было бы. Сталин знал границы допустимого в собственной стране и в мире для каждой исторической эпохи (В. Третьяков // Завтра. 4.01.2000). Песни из динамиков про красное знамя и что родина на бой зовет. Лозунги „Руки прочь от льгот ветеранов!“, „Россия в ЗУрабстве“ „Нам не нужен Путин Вова, нам бы Сталина живого!“. Это — митинг коммунистов. По милицейским сводкам, он собрал около 3 тысяч человек (С. Нехамкин // Известия. 14.02.2005).

Рассматриваемая идеологема часто используется в коннотативном значении, выступая символом сильного, талантливого, жесткого и в то же время справедливого руководителя. Это особенно характерно для газеты «Завтра». Ср.:

Русское сердце бьется в тайной надежде — вот он, выстраданный лидер России, новый Иосиф Сталин, до времени скрывающийся в тайниках еврейской власти и вышедший, наконец, на свет Божий (А. Проханов // Завтра. 23.11.2001). Если Путин встанет на стул, подымет на мыски и очень постарается, то, быть может, сумеет завязать шнурки на ботинках Сталина. Можно ли сравнить Путина и Сталина? Муху и Галлактику? Писк комара и грохот尼亚гары? Смешок Шендеровича и поэму Данте? (А. Проханов // Завтра. 12.03.2002). Сталин очень

близок всем в „этой стране“. По факту в России — все сталинисты. Проклинающая и ненавидящая Сталина политическая, бюрократическая, финансовая и культурная элита нынешней России — вся вышла из сталинской шинели, потому что системы производства, обороны, науки и образования — все это было сконструировано, смоделировано, заложено при Сталине. Сталинские эмоции, методы мышления, стиль и магия поведения пронизывают управленческую культуру, будучи основой любой власти в России — вчера, сегодня и завтра. Да, Сталин вернулся (А. Феллов // Завтра. 22.12.2004).

Весьма характерен тот ряд политических лидеров, в который левые радикалы помещают Сталина. В их понимании Сталина можно включить в число выдающихся деятелей российской истории, людей, которые, по существу, определили историческую судьбу России и которыми справедливо гордятся наши соотечественники. Ср.:

Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и добр. Будет Сталиным и Сергием Радонежским. Петром Первым и Николаем Федоровым. Пушкиным и Королевым. Он уже среди нас. Ищите его по сиянию вокруг головы (А. Проханов // Завтра. 09.03.2003). Россию ждет прорыв в будущее. Подобный прорыву Петра Великого, Александра Третьего и Иосифа Сталина. В ожидании прорыва все западные страны с опаской смотрят на нас, как бы его притормозить, как бы его не допустить. А у нас чуть ли не каждую неделю некие знаковые события (В. Бондаренко // Завтра. 18.06.2007). Мобилизация народа неизбежна.

Показательно, что в коммунистической и националистической прессе практически отсутствуют негативные оценки личности и деятельности И. В. Сталина, а также использование соответствующего прецедентного имени для символического обозначения террора.

Для СМИ либеральной и центристской направленности характерна критическая оценка рассматриваемого политического лидера. Соответствующая идеологема может использоваться как в денотативном, так и в коннотативном смысле. При коннотативном употреблении идеологемы в названных СМИ Сталин превращается в символ тоталитаризма, всеобщего контроля, жестоких необоснованных репрессий, направленных против собственного народа. Ср.:

„Сталин-2“. Тоже идеяка, весьма популярная у наших мыслителей. „Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут“ (Сталин, 1931 год). Мы держим дистанцию: сегодня мы отстали от передовых стран по величине ВВП на душу населения примерно на те же 50 лет! Рецепт „пробежки по-сталински“ хоро-

шо известен: отнять, зажать в кулак и ша-рахнуть этим кулаком в спину! (Л. Радзиховский // Российская газета. 13.01.2004).

Современные журналисты все чаще размышляют о том, что только «новый Сталин» смог бы навести порядок в нашей стране и заставить зарубежных политических лидеров считаться с ее глобальными интересами. Ср.:

Когда, к примеру, популярный телеведущий вдруг в унисон, с интервалом в несколько минут, на первом телеканале соскакивают с темы национализма на тему сталинизма и пугают мир и Россию скорой реставрацией сталинизма, „приходом нового Сталина“, то все становится ясно. Борьба с национализмом и „угрозой фашизма“, пущенная на самотек, отданная на откуп борцам с „русскими амбициями“, может стать орудием подрыва стабильности и окончательного разрушения России (А. Ципко // Российская газета. 29.03.2006). Но, чтобы избежать воровства, этого чиновника-специалиста кто-то должен насмерть запугать, иначе не получится. То есть для того, чтобы система работала, изначально необходим **новый Сталин**, который все видит, все знает, все может (А. Будберг // Московский комсомолец. 23.05.2003).

Показательно, что президент Д. А. Медведев и председатель правительства В. В. Путин в последние годы официально подтвердили свое негативное отношение к политическим репрессиям, за которые И. В. Сталин несет политическую ответственность. Это касается и расстрела польских военнопленных в Катыни.

Итак, рассмотренные материалы свидетельствуют, что в современной массовой коммуникации имя собственное *Сталин* используется именно как идеологема, т. е. как слово, особенности использования которого зависят от политических взглядов автора. Для левых и ультранационалистов Сталин — символ твердой власти, государственности и социальной справедливости. Для центристов и либералов Сталин — символ тоталитаризма и жестоких репрессий.

Показательно, что в качестве идеологем в современной прессе функционируют и имена других большевиков «первого призыва» — Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Ф. Э. Дзержинского, Л. Д. Троцкого и, конечно, В. И. Ленина. Однако аксиологический модус подобных идеологем часто изменяется. В современных текстах при характеристике большевистских лидеров вместо положительного (Дзержинский, Ленин, Киров) или отрицательного (Бухарин, Троцкий, Зиновьев) модусов, характерных для советской эпохи, нередко обнаруживается нейтральная оценка. Ср.:

Где теперь все **Троцкие и Бухарины** „Преображенской революции“ 1991 года? Где пламенные витии, сотрясавшие основы основ, водившие за собой многотысячные толпы? А этот скромный и неприметный „орговик“ —

державник с железной хваткой вдруг вырос над нами во всем своем величии — и тяжело больной вождь № 1, уже не **Ленин**, но **Ельцин** отдал будущему „отцу народов“ сначала пост премьерера (читай, генсека), а затем и собственное место (А. Проханов // Завтра. 18.01.2000). Чтобы заслужить благоволение американских властей, нужно прослыть защитником свободы и прав человека, „личным врагом диктатора“. Вот Борис Абрамович и **применяет шинель Льва Троцкого** (В. Костиков // Аргументы и факты. 2001. № 36). Чубайс — это базовый элемент системы в стране. **Вроде Энгельса у коммунистов. Маркс у них — Гайдар. Энгельс — это Чубайс. Ленин — Горбачев. Ельцин — Сталин.** Если вытащить базовый элемент, система зашатается (А. Митрофанов // Комсомольская правда. 28.05.2005).

Особенно активно современные сторонники коммунистической идеологии, как и их предшественники, обращаются к личности и деятельности Ленина. Они по-прежнему относятся к нему к непререкаемому авторитету, постоянно ищут в его идеях и поступках прецеденты, которые помогут понять и решить современные проблемы. Ср.:

Ленин — гениальный социальный ученый и инженер. В политике и философии он был Пуанкаре, Бором, Резерфордом и Эйнштейном, вместе взятыми. Совершил множество открытий, позволивших запустить „цепную реакцию“ Русской Революции, построить „атомный реактор СССР“, толкавший вперед историю XX века. Остановка и разрушение этого реактора объясняются отсутствием в КПСС „**ленинцев**“ — ученых и проектантов „реактора нового поколения“. Чего не скажешь о коммунистическом Китае (А. Проханов // Известия. 21.01.2004).

Вместе с тем показательно, что даже самые убежденные коммунисты практически не упоминают в своих выступлениях Н.С. Хрущева и Л. И. Брежнева — преемников И. В. Сталина на посту руководителей КПСС. Имена «послесталинских» вождей в современных условиях не воспринимаются как идеологемы, способные использоваться в коннотативном смысле и выступать позитивными символами торжества коммунистических идей.

В публикациях современных российских либералов-западников и центристов-государственников Л. И. Брежнев предстает очередным символом тоталитаризма, официального лицемерия и нарушения демократических норм. Ср.:

Один вопрос его только смущает: пошто остальные кандидаты-маломерки свои кандидатуры не снимают? Зачем деньги тратят? Нервы, силы, бумагу, эфир зазря жгут? Но люди умственного склада прояснили Дормидонту: это они героически спасают президенту реноме! А реноме у президентов — наиглавнейшая вещь после рейтинга! Путин

же не **Брежнев** какой, чтоб стопроцентно побеждать, это недемократично (Д. Народный // Комсомольская правда. 05.02.2004).

Многие политики и журналисты вспоминают о том, что в последние годы своего правления Л. И. Брежнев очень постарел и уже не мог в полной мере исполнять свои обязанности. Поэтому еще один личностный компонент прецедентного онима *Брежнев* — стремление до глубокой старости оставаться во главе государства, что стало одной из главных причин застоя в развитии Советского Союза. К сожалению, похожие проблемы были и в последние годы президентства Б. Н. Ельцина. Весьма показательна следующая метафора:

Поздний Брежнев — почти как поздний Ельцин. Почему Брежнев не смог стать Путиным? (Л. Кафтан // Комсомольская правда. 12.11.2010).

Итак, представленный материал свидетельствует, что в современной массовой коммуникации прецедентное имя *Сталин* последовательно выступает как идеологема, имеющая различные смыслы для сторонников леворадикальных взглядов и политиков либеральной и центристской политической ориентации. В качестве идеологем по-прежнему используются и имена других коммунистических вождей — Дзержинского, Троцкого, Бухарина. Однако современные коммунисты практически не используют в символическом смысле имена наиболее известных «наследников Сталина» — Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, тогда как их политические противники не скрывают негативного отношения к советским вождям, руководившим нашей страной во второй половине прошлого века.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Слово в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975.

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. — М.: Алконост, 1994.

Гаврилова М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2005.

Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М., 2004.

Гусейнов Г. Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. — М., 2005.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 1.

Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Н. И. Клушина ; [отв. ред. М. Н. Володина] ; МГУ. — М., 2003.

Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периоди-

ческих изданий 2000—2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.

Кузьмина Н. А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации : межвуз. сб. науч. тр. Всерос. конф., посв. 80-летию проф. Н. С. Валгиной. — М., 2007.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь, 1995.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. — М., 2000. Вып. 1.

Купина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2003. Вып. 11.

Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4.

Мирошниченко А. А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 1996.

Нахимова Е. А. Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2009а. № 1.

Нахимова Е. А. Новая жизнь старых слов // Русская речь. 2009б. № 2.

Нахимова Е. А. О лексикографическом представлении идеологем // Современная политическая лингвистика : материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2003.

Нахимова Е. А. Прецедентное поле *Смутное время* в современных отечественных СМИ // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Вопросы образования, науки и культуры. 2008а. № 2.

Нахимова Е. А. Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008б. № 1.

Нахимова Е. А. Мифологема *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3.

Национальный корпус русского языка. URL: ruscorgo.ru.

Одесский М. П., Фельдман Д. М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Слышкин Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Обозреватель-Observer : науч.-аналит. журн. 2004. № 8 (175).

Торохова М. В. Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946—1948 гг. : автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2007.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Э. В. Будаев